

ЧЕМ УДИВИМ ЗРИТЕЛЯ?

**Исключительное,
поразительное,
феноменальное,
фантастическое —
не альтернатива
типическому и приземленно
бытовому. Одно
высвечивает другое.**

Говорят, что известный театральный режиссер Алексей Денисович Дикий, начиная репетиции, задавал актерам вопрос:

— Чем будем удивлять?

Вовсе не хочу сказать, что взамен трезвого расчета надо утвердить романтический хаос воображения. Создание фильма требует трезвого расчета. Надо увязать в единый узел приземленные проблемы кинопроизводства, выстроить с логической последовательностью авторский замысел. Но все это должно стать стартовой площадкой для знака восхищения и знака вопроса. Что в фильме нового? Пусть курица высиживает одинаковые яйца. У художника каждый раз должно рождаться нечто невиданное. Тогда людям кажется, что и они смотрят на мир с обостренным и радостным вниманием. Глазами Репина видят характер человека, глазами Левитана — родной пейзаж. Глазами Васнецова глядят в свое прошлое.

Хорошая и необходимая вещь — профессиональная грамотность и просто ремесленная грамотность, которой у нас часто не хватает. Но главным в нашем деле, как мне кажется, является вопрос: чем будем удивлять? Неожиданно острым, пронзительным анализом сложной психологической ситуации, непредсказуемым поворотом сюжета или агрессивно грубым зрелищным аттракционом? Нет принципиальной разницы в этом, если удивление необычным обостряет интерес к сути. Водораздел стоит там, где выявляются намерения художника. Если ты стучишься в душу, будишь человеческое в человеке — ты по одну сторону, независимо от того, играешь ли на флейте или бьешь в литавры и турецкий барабан. А если ты спекулируешь на желании людей отвлечься от жизненных забот, бездумно развлекаешь, для приличия прикрываясь фигурным листком «проблемки» — ты по другую сторону водораздела. Искусство без большой нравственной задачи есть род пустой забавы или того хуже, сказал когда-то и навсегда Лев Толстой.

Я цитирую по памяти эти слова. Но суть проблемы, на мой взгляд, состоит и в том, чтобы нравственный урок, преподанный художником, удивлял, поражаал необычностью. Именно это непреложное условие активно воздействующего искусства мы часто не доводим до практического дела.

Основной нашей повседневной производственной жизни нередко становится скольжение по накатанной колее. Мы, как дети, играем в кубики конфликтов, складываем простенькие фигурки в привычные клишированные пирамидки и удивляемся, почему это на наши фильмы ходит все меньше и меньше людей? Почему это вокруг наших фильмов все реже и реже возникают споры и дискуссии? А о чем спорить? Где в сегодняшнем кинорепертуаре фильм, который силой духовного воздействия возбудил бы человека так, что ему захотелось бы вступить в бой за или против героев? Об этом еще раз напомнило постановление партии и правительства о развитии кинематографии, где сказано: «Еще немало выпускается картин неинтересных, слабых, далеких от насущных проблем жизни, от вопросов, волнующих советских людей».

Думаю, сейчас в основном пенсионеры еще как-то откладываются на фильмы, да и то на те, где ненароком

промелькнет обнаженная женская фигура. Хорошо хоть в музеи не пишут протестов. А то не видать бы нам ни Венеры Милосской, ни Данаи Рембрандта. На студии внимательно относятся ко всем письмам и даже устным нареканиям. Но с одной точки зрения: «как бы это уменьшить число недовольных и ослабить нарекания». Это и есть один из губительных факторов. Фильмы становятся гладкими, обкатанными. Еще бы научиться заставить зрителей смотреть их. И все было бы хорошо. Но тут происходит осечка.

Заставить человека после работы сидеть в толпе, в темном зале, вытянув шею к белому полотну экрана, да еще за свои пусть небольшие, но все-таки деньги можно только, если он сам этого захочет. А хочет человек встретиться с тем, что его будоражит, заставляет с удивлением смотреть на мир. Хороший фильм будто отмывает запяленные буднями глаза.

— Смотри, — говорит он человеку, — как удивителен мир, как много в нем красоты, сложности, проблем, еще не сделанных дел, ждущих, чтобы и ты лично приложил к ним руки, душу, сердце, был не сторонним наблюдателем жизни, а участником ее!

Так, я думаю, должен говорить со зрителем хороший фильм, возбуждая в человеке творческую энергию и радость жить. Другой-то жизни не будет! Надо помочь людям полнее прожить эту. Обязанность удивлять людей — это не только нравственный, но и профессиональный долг художника. Для кинорежиссера это особенно важно.

Книжку люди читают дома, сидя в кресле или лежа. Надоело — оторвался, интересно — перечитал, трудно — подумал. Устал — прервался, попил чаю.

А в кино? Сидят в темноте, рядами на жестких стульях и смотрят, не отрываясь, полтора часа в одну точку. Каким же запасом удивительного должен обладать режиссер, чтобы иметь право на внимание этих людей?

Классики литературы это понимали, и мы, наследуя в кино традиции великой русской литературы, не должны этого забывать. Лев Толстой удивлял так, как никакому сочинителю бульварных мелодрам и не снилось. И Николай Васильевич Гоголь удивлял, когда показывал помещицу Россию через покупку мертвых душ. И Пушкин удивлял.

Фильмы не так часто, как хотелось бы, вовлекают людей в спор, в диалог. А людям нужно это. Они идут в кино, чтобы увидеть тех, с кем хочется провести полтора часа один на один в зале и с которыми не хочется расставаться после окончания фильма.

У нас прекрасные актеры. Но у них зачастую нет повода для доверительных бесед о жизни. Мало ролей, поражающих воображение. Послушаешь лучших наших актеров: одного, другого, десятого — как створчатся все, говорят одно и то же: отказываются от плохих сценариев. Им пытаются что-то сделать, как-то очеловечить картонный персонаж. Но удивить нечем. Все такое плоское, неглубокое, как будто уже играл это сам и до тебя играли. Но за такой фильм студию не будут ни ругать, ни беспокоить. За скуку не ругают. Студия сдает картины прокату, выполняет план по валу и номенклатуре отражения сфер производства и досуга. А дальше дело проката. Он и катает. По своему плану, своей номенклатуре.

После фильма «Экипаж», имевшего исключительно большой успех, я обратился к одному из руководителей проката с вопросом: почему они не стимулируют производство ярких, зрелищных фильмов? Никак не поощряют художников к созданию таких фильмов? Казалось бы, огромная сеть гигантских кинозалов, по-моему, уникальная в мировой практике современной проката, обязывает их к этому. Большому залу подходит суперфильм.

— Помогите, — сказал я, — и я сделаю еще более эффектный фильм. Есть идеи, нужны средства.

— А нам не надо, — сказал прокатчик, — у нас от «Экипажа» еще голова не отошла. Мы его запланировали на три недели, а снять не могли полгода: зрители шли и шли. А ведь у нас, и кроме «Экипажа», есть фильмы. Их прокат был задолго запланирован. Пришлось все планы ломать. А нам надо план составлять и выполнять. Выходит, средний по всем параметрам фильм устраивает и студию, и прокат.

Сейчас работники проката на местах даны большие права определять, что увидят зрители. Но всегда ли они пользуются этим правом с чувством должной ответственности? Появился, скажем, острый фильм, где поставлена живая, важная проблема. А прокатчики на местах не хотят брать фильм, опасаются, видимо, дискуссионных картин. Но ведь в том и состоит задача кинопроката, чтобы оживлять культурную и общественную жизнь в своем городе, создавать общественное мнение. Это только по названию прокат фильма сходен с прокатом пылесосов. По сути-то работа кинопрокатчика — это культурная миссия, и от кинопроката во многом зависит, какой будет культурная жизнь в микрорайоне вокруг кинотеатра. Высокоидеальная, с активным привлечением общественности или праздно-развлекательная. Конечно, проще делать план на «Тутси», какая там проблема? Надо ли мужику напьянвать на себя женские тряпки? Очень актуально. И никаких хлопот. Я горячий сторонник кино для развлечения. Но все-таки... Главная задача для нас идейно-воспитательная. Три четверти кинозрителей сегодня — это люди комсомольского возраста, и, конечно, без активного участия райкомов комсомола прокату эту задачу не выполнить. Если фильм может стать в центре спора, то не дело избегать такой дискуссии ради спокойного жития в рамках финансового плана. Когда в кино не появляется ничего волнующего, затрагивающего за живое, вянет общий интерес к посещению кинотеатров. Прокатчики, как и создатели фильмов, должны удивлять зрителя, будоражить его, предавать волнующие темы, а не избегать их.

Как видите, проблема «чем будем удивлять» комплексная. В ней сплелись интересы режиссера и артиста, студии и проката, техники и творческого воображения. Решать ее, видимо, можно, помня о долге художника и перед сегодняшними зрителями, и перед великими традициями искусства, которые мы наследуем и должны развивать. Но искать в этом запутанном клубке одного главного виновника — занятие бессмысленное.

«В театре, — сказал известный французский режиссер Жан Виллар, — коллектив единомышленников может заменить гениальность».

Для кино это суждение еще более верно. Фильм делает огромный коллектив людей: и те, кто сочиняет, и те, кто режиссирует, и кто играет, и кто печатает копии, и кто показывает зрителям. Мы все — огромная семья. У каждого свои проблемы, а итог общий — изображение на белом экране, которое смотрят миллионы и миллионы. Они прощают нам ошибки в награду за редкие минуты озарения, в надежде на новую встречу с фильмом, который удивит, поразит и заставит выйти из кинозала просветленным, с учащенным от волнения дыханием и мыслью: как все-таки она удивительна, жизнь, окружающая тебя, со всеми ее бедами и болями, надеждами и заботами! Надо как-то поярче самому жить и работать, любить и отстаивать заветное.

Чем будем удивлять, чтобы возникло это?

Александр МИТТА,
заслуженный деятель искусств
РСФСР, кинорежиссер.